

Пока Седжон и Хян мирно обедали, чиновники, забыв о еде, лихорадочно работали.

"Письменные принадлежности! Письменные принадлежности!" – раздавались крики.

Вернувшись в свои ведомства, чиновники бросились записывать все, что запомнили из речи Хяна.

"Что же он там говорил? – бормотали они.

"Черт! – ругались другие. – Слишком много информации!"

Те, кто считал, что речь девятилетнего мальчика не заслуживает внимания, с трудом восстанавливали в памяти услышанное.

Чиновники из шести министерств корпели над своими записями. Но были и те, кто не слишком переживал.

"Скажи, Сон, – один военный чиновник обратился к своему товарищу, – ты хоть что-нибудь понял из того, что говорил наследник?"

"Если бы я его понял, – ответил Сон, – то давно бы получил повышение!"

"Ха-ха! Это точно".

Военные, которые попали на службу благодаря своим боевым навыкам, а не знаниям, смеялись над учеными.

Еще одна группа чиновников, которые не слишком волновались, была из Министерства финансов. Они с самого начала предусмотрительно захватили с собой письменные принадлежности и делали пометки во время выступления Хяна. Поэтому, когда был объявлен перерыв, они спокойно обедали.

* * *

Речь Хяна, которая оказалась намного длиннее, чем все ожидали, закончилась только к вечеру.

"Есть ли у вас вопросы?" – спросил Хян, закончив свое выступление.

В зале воцарилась тишина. Хян подождал немного, но никто не осмелился задать вопрос.

"Тогда на этом я закончу", – сказал он.

Хян поклонился отцу, который сидел на троне.

"Ты отлично справился, – Седжон с гордостью посмотрел на сына. – Поужинаем вместе".

"Хорошо, отец", – Хян поклонился.

Седжон, не скрывая своего восхищения, посмотрел на министров.

"На сегодня все, – сказал он. – Вы свободны".

"Слушаемся, Ваше Величество", – министры встали и поклонились.

Когда Седжон и Хян вышли из зала, чиновники тоже начали расходиться.

На лицах министров, которые первыми вышли из зала, читалась тревога. Но если высокопоставленные чиновники держали в руках только письменные принадлежности, то чиновники рангом ниже несли еще и стулья.

"Господин премьер-министр, – первый заместитель премьер-министра Ли Вон обратился к Ю Чжон Хёну, – что вы думаете об этом?"

"Что я думаю? – Ю Чжон Хён раздраженно фыркнул. – Я в шоке!"

"Нужно написать королю петицию! – кричали вторые. – Наследник проповедует идеи легистов*! Он хочет превратить Чосон в тиранию! Нужно его остановить!"

Легисты* – представители одной из школ древнекитайской философии, которые считали, что для управления государством нужны строгие законы и сильная власть.

"Да, вы правы! – соглашались другие. – Он всего лишь девятилетний мальчишка! Что он понимает в управлении государством?!"

"Нужно сместить наследника! – кричали третьи. – И заменить другим наследником! Вспомните, ведь и нынешний король не был старшим сыном!"

"Тише!" – один из министров, испугавшись, зажал рот своему болтливому коллеге.

"Ты что, с ума сошел?! – прошипел он. – Хочешь, чтобы нас казнили?!"

"А что я такого сказал? – возмутился тот. – Он несет бред! Нужно его вразумить! Нужно сместить его учителей! Нужно призвать к ответу короля! Он слишком мягко воспитывает своего сына!"

"Нужно просто сказать королю, что наследник не прав, – попытался успокоить его другой министр, – а не требовать его смещения..."

"Ты не понимаешь! – не унимался первый. – Все уже решено! Король не хочет его переубеждать! Нужно действовать решительно! Иначе будет поздно!"

"Господа, успокойтесь! – еще один министр, оглядываясь по сторонам, пытался уговорить своих коллег. – Не нужно так кричать!"

Но он знал, что, как бы ни пытались его коллеги скрыть свое недовольство, рано или поздно они проговорятся.

Другие чиновники, в отличие от консерваторов, были довольны речью Хяна.

"Наконец-то кто-то сказал правду! – радовались они. – Сколько можно слушать эти пустые разговоры о добродетели?!"

"Верность королю и уважение к родителям – это, конечно, важно, – сказал один из чиновников, – но есть вещи и поважнее! Например, доверие между королем и народом! – Он был в восторге. – Замечательно сказано!"

"А вы видели лицо короля? – спросил другой. – Кажется, он готов немедленно начать реформы!"

"Наследный принц – умница, а король – мудрец! – воскликнул третий. – Это большая удача для Чосона!"

Чиновники, которые больше всего радовались, были из Министерства финансов, Министерства кадров и других министерств. Хян говорил о том, что их больше всего волновало – о нехватке денег, о проблемах с управлением, о коррупции. И король, похоже, был готов их поддержать.

"Проклятые лицемеры! – чиновники из шести министерств, услышав, как кричат консерваторы, не могли сдержать гнева. – Чтоб вас!"

"Успокойтесь! – старшие товарищи пытались их урезонить.

"Не могу молчать! – кричали молодые чиновники. – Сейчас им морды набью!"

Некоторые даже засучили рукава, но их коллеги их остановили. Консерваторы, услышав шум, остановились и с вызовом посмотрели на своих оппонентов.

"Подхалимы! – крикнули они.

"Лицемеры!" – ответили им.

Чиновники, обменявшись "любезностями", разошлись.

"Ну их, этих ханжей! – сказал один из сторонников Хяна. – Только время зря тратим! Пойдемте, напишем петицию королю!"

"Да, пойдемте!"

Так начался спор о реформах, который вошел в историю как "бумажная война" – из-за огромного количества бумаги, потраченной на петиции.

* * *

Седжон и Хян, не обращая внимания на споры чиновников, мирно ужинали.

"Ты отлично выступил сегодня", – сказал Седжон.

"Спасибо", – Хян поклонился.

"Конечно, ты еще молод, – продолжал Седжон, – но ты говоришь очень разумные вещи. Мне хочется немедленно начать реформы".

"Спасибо, отец, – Хян улыбнулся. – Но некоторые реформы пока что проводить рано".

"Ты говоришь о деньгах?" – Седжон кивнул.

"Да, – Хян положил ложку на стол. – И, если честно... Простите меня, отец, но, мне кажется, что не стоит торопиться с введением медных монет".

"Ты говоришь о том, – Седжон нахмурился, – что правительство не сможет обеспечить стабильность новой валюты?"

"Да, отец".

"Но мы можем начать с тех денег, которые у нас уже есть, – предложил Седжон.

"Тогда все монеты окажутся в руках богатых землевладельцев, – ответил Хян, – а простой народ, как и раньше, будет расплачиваться рисом и тканью".

"Почему?" – Седжон удивился.

"Потому что рис и ткань не хранятся долго, – объяснил Хян, – а монеты – хранятся. И места занимают меньше".

Седжон задумался.

"Хм... – сказал он. – И что же делать?"

Хян посмотрел на летописцев, которые сидели рядом, потом наклонился к отцу и прошептал:

"Я думаю, что нужно подождать лет пять, а лучше – десять. Нужно все тщательно подготовить. А потом – действовать решительно! Как на войне!"

"Войне?" – Седжон тоже наклонился к Хяну.

"Да, войне, – шепотом ответил Хян. – Войне за то, кто будет править Чосоном – король или богатые землевладельцы, которые контролируют страну со времен Трех корейских государств. Только победив в этой войне, вы сможете создать сильное государство".

"Ясно", – Седжон, выслушав сына, кивнул.

Бабах!

Внезапно раздался грохот. Седжон выпрямился и огляделся.

Шум доносился со стороны летописцев. Они, пытаясь услышать, о чем шепчутся Седжон и Хян, слишком сильно наклонились вперед, и их стулья упали.

"Ну и ну... – Седжон покачал головой. – Если вы устали, то почему не попросите кого-нибудь вас заменить? Что за неуважение?!"

"Простите нас, Ваше Величество!" – летописцы бросились на колени.

"Простите нас! Но, пожалуйста, скажите, о чем вы говорили с наследником! – взмолился один из них. – Мы должны это записать!"

"Это был личный разговор, – отрезал Седжон. – Забудьте о нем".

"...Слушаемся, Ваше Величество".

Но летописец все же добавил в конце записи:

[Летописец пишет: Государственные дела должны обсуждаться открыто. Но король и наследный принц говорили о денежной реформе – важнейшем вопросе для страны – шепотом. Это неправильно.]

В этот момент вошел главный евнух и рассказал Седжону о реакции министров на речь Хяна.

Седжон, выслушав его, с отвращением отодвинул тарелку.

"Спасибо, – сказал он. – Хян-и, ты наелся?"

"Да, отец".

"Тогда уберите со стола, – Седжон отодвинул тарелку. – И принесите чай".

"Слушаемся, Ваше Величество".

Евнухи убрали со стола, и Седжон с Хяном, сидя друг напротив друга, пили чай.

"Завтра нас завалят петициями", – сказал Седжон.

"Да, – Хян усмехнулся. – Главному государственному секретарю придется попотеть".

"Нужно будет отправить в Королевскую канцелярию угощение", – сказал Седжон.

"Мудрое решение, отец".

"А как продвигается вакцинация? – Хян решил сменить тему.

"Все, кто живет во дворце, уже привиты, – ответил Седжон. – И в Ханяне все готово к вакцинации. Через три дня – Новый год, так что, начнем третьего января".

"Я надеюсь, – сказал Хян, – что вакцинация поможет".

"Я тоже на это надеюсь, – кивнул Седжон. – Если твой метод сработает, то ты совершишь великий подвиг".

"Я ничего особенного не сделал, – ответил Хян. – Это все ваша заслуга, отец".

"Ну и ну..." – Седжон с гордостью посмотрел на сына.

"Если вакцинация будет успешной, – думал он, – то тебя никто не сможет остановить. Даже если кто-то попытается, то я сам с ним разберусь! Ради будущего Чосона!"

Седжон с любовью посмотрел на Хяна.

"Хян-и, – думал он, – ты – мой лучший меч! Ты поможешь мне сделать Чосон великой страной!"

Хян вдруг почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

"Что это? – подумал он. – Мне стало не по себе..."

<http://tl.rulate.ru/book/114223/4447688>